

УДК 94(47)
DOI: 10.23885/2500-0640-2017-13-2-79-90

СОЮЗ ТРОЦКИСТОВ И БЕЛЫХ КАЗАКОВ, ИЛИ РАЗГРОМ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ ВЕРХУШКИ В АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОМ КРАЕ В 1937 г.

© 2017 г. А.В. Венков¹

Аннотация. Статья посвящена массовым репрессиям в Азово-Черноморском крае в 1937–1938 гг. С 1936 г. проходила чистка партийно-советской элиты СССР, параллельно со второй половины 1937 г. начались более масштабные репрессии, проходившие под названием «Кулацкая операция», и счет жертв в ходе этой операции на рассматриваемой территории шел на тысячи; завершение этапа одного из процессов не влиял на протекание другого процесса. Ненадежных и нерадивых руководителей объявляли троцкистами или правыми уклонистами. Чтобы подчеркнуть серьезность опасности, новоявленных троцкистов и правых обвиняли в терроризме, хотя руководство НКВД представляло, насколько реально опасен троцкизм, и между собой называло его «чепуховым» движением. В зависимости от проводимой высшими партийными органами репрессивной политики (перенос удара с троцкистов на правых) на местах органы НКВД создавали уголовные дела с абсурдными обвинениями, фабриковали абсолютно нереальные в жизни политические комбинации вроде союза троцкистов и уцелевших белых казаков, причем на роль белых казаков подбирались лидеры красного казачества времен гражданской войны. Смена партийного руководства в Азово-Черноморском крае и затем в Ростовской области сопровождалась требованием нового витка репрессий со стороны нового руководства. В статье приведены данные о ликвидации всего высшего руководства Азово-Черноморского края, количестве репрессированных по Ростовской области, показано, как репрессии ударили по самим органам НКВД, находившимся в крае и области.

Ключевые слова: репрессии, троцкисты, казаки, Азово-Черноморский край, НКВД, партийно-советская элита.

THE UNION OF TROTSKYISTS AND WHITE COSSACKS, OR THE DEFEAT OF THE SOVIET PARTY ELITE IN THE AZOV-BLACK SEA REGION IN 1937

A.V. Venkov¹

Abstract. The article is dedicated to the mass repressions in the Azov-Black Sea Region in 1937. In 1936 the purge of the Soviet party elite of the USSR began, alongside with it major repressions titled “Kulak operation” took place at the second half of 1937. The number of victims in the course of the operation on this territory reached thousands; the stage completion of one process did not affect the behaviour of another one. Unreliable and incompetent leaders were declared as Trotskyists or right deviators. To emphasize the seriousness of Trotskyists and right deviators danger, they were accused of terrorism, although the leadership of the NKVD (People’s Commissariat for Internal Affairs) knew how “dangerous” Trotskyism was in reality and called it among themselves as “toyish” movement. Depending on the repressive policies of the communist elite (transfer of the blow from the Trotskyists to the “rightists”) the local NKVD structures created criminal cases with absurd accusations, framed totally unrealistic political combinations up like the Union of Trotskyists and the survivors of the White Cossacks. Moreover, the role of the white Cossacks

¹ Южный научный центр Российской академии наук (Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, e-mail: andrey_venk@rambler.ru

played the red Cossacks leaders of the civil war period. The change of the party leadership in Azov-Black Sea Region and Rostov Region was accompanied by the demand of a new round of repressions by the new authority. The article represents the data about the elimination of the regional elite; it names the number of repressed in the Rostov Region and shows how the repressions hit the NKVD structures located in the area.

Keywords: repressions, Trotskyists, Cossacks, Azov-Black Sea Region, NKVD, Soviet party elite.

Историография массовых репрессий 30-х гг. XX века на Дону крайне бедна. К настоящему времени она находится либо на любительском уровне, либо на уровне накопления материалов. Общество «Мемориал» в г. Ростове-на-Дону издало книгу «„Красное колесо“ переехало и через „Ростсельмаш“ (хроника террора 30-х годов): Книга памяти жертв политических репрессий работников „Ростсельмаша“» [1]. Определенный материал по обсуждаемой теме содержится в работах, посвященных донским чекистам. Первая книга очерков «Чекисты Дона» вышла в 1983 г. [2] и была явно апологетического характера. Затем, уже в постсоветский период, в 1998 г., вышел сборник «На страже Отечества. Документы, воспоминания, очерки» [3], который отличался обилием фактов и носил несколько «покаянный» характер. Оба издания были дополнены и переизданы [4; 5].

Большой материал о деятельности донских и северокавказских чекистов, об их потерях в период репрессий и о масштабе самих репрессий приводит в своих исследованиях Л.А. Наумов [6–8].

Деятельность органов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) на Дону в период коллективизации на примере конкретной операции и конкретного дела («дело Сенина») раскрывает А.В. Венков [9].

Большое количество информации, с разных сторон освещающей те или иные вопросы истории массовых репрессий на Дону, содержится в работах, посвященных взаимоотношениям спецслужб с высшей партийной властью [10–12].

Однако сложившейся историографии репрессий на Дону в 1937–1938 гг. до настоящего времени нет. Целью данной работы, с учетом историографической ситуации, является анализ «верхушечной» чистки партийной и советской номенклатуры на территории Азово-Черноморского края (и впоследствии в Ростовской области) как составной части массовых репрессий в регионе в указанный период.

Методологическая основа исследования предполагает системный подход при анализе исторических событий, включающий, наравне с общенаучными, междисциплинарные и специальные

методы. Важнейшими остаются принцип объективности и принцип историзма, который предполагает рассмотрение явлений и событий во взаимосвязи и взаимообусловленности в конкретно-исторической последовательности. Использовался проблемно-хронологический метод, который позволил представить этапы репрессий как ряд проблем, каждая из которых была рассмотрена в хронологической последовательности событий, что выявило ряд существенных черт, характерных для каждого этапа репрессий.

Была привлечена внушительная источниковая база. Во-первых, это сборники материалов и справочники, касающиеся органов безопасности [13–15]. В подавляющем большинстве они содержат нормативные документы. Во-вторых, это мемуары высшего политического руководства, самих деятелей спецслужб и их родственников [16–18]. Используя эти документы, мы делали поправку на личностный подход, пристрастность авторов. В-третьих, это материалы донской периодической печати (газеты «Молот», «Комсомолец» и др.), которые политизированы и сильно зависели от политической конъюнктуры. В-четвертых, это материалы архива Управления федеральной службы безопасности (УФСБ) России по Ростовской области (уголовные дела). Материал уникален, но необходимо помнить, что большая часть дел являет собой специально подготовленные документы, которые передаются в соответствующие инстанции для принятия по ним судебного решения.

Массовые репрессии 1937–1938 гг. связывают с проходившими в то время выборами в органы власти согласно новой Конституции, принятой 5 декабря 1936 г. Конституция была самой демократичной из всех существовавших в то время на земном шаре. Все лишенцы – социально чуждые лица, лишённые избирательных прав – получили право голоса. И власть, центральная и региональная, решила «почистить» перед этими выборами расширившийся за счет бывших лишенцев электорат.

Массовые репрессии на Дону и в целом по стране начались после постановления Политбюро Центрального комитета Всесоюзной коммуни-

стической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) от 2 июля 1937 г. № П 51/94 «Об антисоветских элементах», в котором Политбюро предлагало всем секретарям областных и краевых партийных организаций и всем руководителям областных, краевых и республиканских управлений Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные, элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД» [10: 349].

В развитие вышеупомянутого постановления 31 июля 1937 г. был отдан согласованный с Политбюро Приказ по НКВД № 00447, в котором указывались «контингенты, подлежащие репрессии» и время начала операции [7: 163–164]. В среднем и в стране, и в крае планировали репрессировать 0,2 % населения. Руководство Азово-Черноморского края представило списки на 0,24 % [7: 120–121] и запросило лимиты: 6644 человека по первой категории (расстрел) и 6962 по второй (арест и высылка) [7: 404]. Видно, что учет «враждебных элементов» в крае велся тщательно, если список был выверен до единиц. Н.И. Ежов, мыслящий круглыми числами, направил в Азово-Черноморский край лимит – 5000 человек по первой категории, 8000 по второй [11: 449].

Одновременно в 1937 г. органами НКВД проводилась Польская операция (приказ № 00485), за ней Немецкая операция (приказ № 00593) [7: 18] и, наконец, Латышская операция (приказ № 49990) [7: 48]. Но масштабы этих репрессий ни в коей мере не дотягивали до масштабов операции согласно приказу № 00447, которая в обиходе сотрудников органов называлась Кулацкой операцией.

Естественно, репрессии затронули гораздо больше людей, чем планировалось. Всего в 1937 г. на территории современной Ростовской области было расстреляно 6515 человек, а в 1938 г. – 5930 [3: 80]. В 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен, и из него выделили Ростовскую область. Реальное количество репрессированных по области почти вдвое превосходило запланированное количество репрессированных в целом по краю.

Считается, что конец массовым репрессиям был положен 17 ноября 1938 г., когда И.В. Сталин и В.М. Молотов подписали совместное Постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров

(СНК) № П 4387 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем был установлен запрет органам НКВД на производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. Судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, упразднились.

В то же время шел параллельный процесс репрессий, касался он высшей партийной и советской номенклатуры и не ограничивался какими-либо постановлениями.

Новый виток обострения внутривластной борьбы наметился к концу первой пятилетки. Такое мощное испытание страны и партии на прочность, как коллективизация и индустриализация, выявило целый ряд руководителей, которые не оправдали доверия высшей власти, показали себя слишком мягкими (А.И. Рыков и другие правые); другие, наоборот, перестарались и отныне вызывали у населения чувство страха и резкой неприязни (например Б.П. Шеболдаев). Были и такие, кто, опираясь на авторитет и прошлые заслуги, считал себя в центральном комитете партии союзной республики, во главе крайкома или наркомата недосыгаемым для закона, удельным князем во главе своей вотчины. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. И.В. Сталин сказал о них так: «...это люди с известными заслугами в прошлом, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков... Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов...» [10: 130–131]. А после 1933 г., после прихода в Германии к власти нацистов, стало ясно, что надвигается новая война, и встречать ее было необходимо с монолитной командой единомышленников, которым доверяет и за которыми пойдет народ. Были уже и готовые ярлыки, которые предстояло навесить на неугодных и новых «вельмож», – троцкисты, зиновьевцы, правые и др.

Чистке партийно-хозяйственной верхушки Азово-Черноморского края предшествовал ряд документов. 15 июля 1936 г. вышел совершенно секретный приказ НКВД СССР № 00240 о повышении «чекистской бдительности», перестройке работы аппарата НКВД и недостатках в работе управлений НКВД по Азово-Черноморскому и Западно-Сибирскому краям и по Свердловской и Сталинградской областям. Таким образом, Азово-Черноморский край был отмечен как отстающий.

В приказе упоминалось о закрытых письмах ЦК ВКП(б) и наркома Г.Г. Ягоды, разосланных в ян-

варе 1935 г., о невыполнении их требований, о необходимости обновить руководящий состав. «Это уже не чекисты, а зазнавшиеся вельможи, негодные для работы на боевом посту чекиста-руководителя» [13: 562], «Именно поэтому начальники управлений НКВД Сталинградского и Азово-Черноморского краев, Свердловской и Западной областей не выявили троцкистов, ведущих активную контрреволюционную работу» [13: 563], – говорилось в приказе Г.Г. Ягоды.

Сразу же вслед за этим приказом 26 июля 1936 г. было разослано закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» [11: 240–241].

Итак, началась чистка верхов партийного и советского руководства. Ненадежных и нерадивых руководителей объявляли троцкистами или правыми. А чтобы подчеркнуть серьезность опасности, новоявленных троцкистов и правых обвиняли в терроризме, как это мы увидим на примере руководства Азово-Черноморского края.

На самом деле руководство НКВД ясно представляло, насколько реально опасен троцкизм. Выступая 11 марта 1937 г. перед мобилизованными на работу в НКВД молодыми коммунистами и комсомольцами, Н.И. Ежов упомянул вскользь о троцкистах: «Нам нужна также такая агентура во враждебных партиях, хотя бы среди троцкистов (это чепуховое движение, которое ничего не стоит). Кое-что мы в этом отношении уже делаем» [13: 578]. То есть получалось, что движение «чепуховое» и агентура в него только внедряется, но на открытых процессах и в ходе многочисленных следственных дел «выяснялось», что троцкисты имеют огромную разветвленную сеть, связаны с правыми, с иностранными разведками и даже с белогвардейцами, и вовлечена в эту мощную структуру чуть ли не вся провинциальная партийная и советская верхушка, верхи армии и руководители многих наркоматов.

Для проведения в жизнь установки по борьбе с троцкистами в июле 1936 г. начальником Управления НКВД (УНКВД) по Азово-Черноморскому краю (АЧК) был назначен 36-летний ответственный сотрудник центрального аппарата НКВД Генрих Самойлович Люшков – один из приближенных наркома Г.Г. Ягоды, направившего его в Ростов-на-Дону для «наведения революционного порядка» [3: 13].

В подготовленном по инициативе УФСБ по Ростовской области в 1998 г. сборнике «На страже

Отечества» деятельность Г.С. Люшкова охарактеризована так: «При его непосредственном участии были арестованы сотни руководящих партийных, советских и хозяйственных работников края, а также многие сотрудники УНКВД, обвиненные в контрреволюционных и других государственных преступлениях, которых они не совершали...» [3: 13].

Спустя год Г.С. Люшков был переведен на такую же должность в Дальневосточный край, откуда в июле 1938 года перебежал к японцам [3: 13].

19–24 августа 1936 г. в Москве шел процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Это был суд над Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, И.П. Бакаевым, Г.Е. Евдокимовым, С.В. Мрачковским, И.Н. Смирновым и другими, обвиняемыми в подготовке террористических актов руководителями партии и правительства. Это событие не могло не отразиться на жизни Азово-Черноморского края.

Настоящим бывшим троцкистом в Ростове-на-Дону в тот период был А.Г. Белобородов, занимавший важную, но не первостепенную должность заместителя уполномоченного Комитета заготовок при СНК СССР по Северо-Кавказскому краю. Александр Георгиевич Белобородов (14(26).10.1891–09.02.1938), член партии с 1907 г., в первую очередь известен тем, что под его руководством исполком Уральского Совета принял решение о расстреле царской семьи. С 1919 г. он был на военно-политической работе, участвовал в подавлении казачьего восстания на Верхнем Дону. В 1923–1927 гг. – нарком внутренних дел РСФСР. С 1923 г. А.Г. Белобородов примыкал к троцкистской оппозиции, в 1927 г. был исключен из партии, но «признал свои ошибки» и в 1930 г. «был восстановлен в партии и направлен в Ростов-на-Дону на должность заместителя уполномоченного Комитета заготовок при СНК СССР по Северо-Кавказскому краю» [3: 86–87].

Среди обвиняемых по делу троцкистско-зиновьевского центра были знакомые А.Г. Белобородова – С.В. Мрачковский и И.Н. Смирнов, с которыми он ранее вместе работал и в 1923–1927 гг. примыкал к троцкистской оппозиции.

14 августа 1936 г. заместитель начальника краевого Управления НКВД майор госбезопасности И.П. Попашенко утвердил и подписал ордер на арест А.Г. Белобородова и обыск в его квартире. Во время обыска были обнаружены и изъяты несколько томов произведений Троцкого, Зиновьева,

Каменева, наградное личное оружие и архив Белобородова: письма, блокноты, записки. Уличенный Белобородов был исключен из партии как «неразужившийся до конца троцкист-двурушник» [3: 89].

Примерно одновременно с А.Г. Белобородовым были арестованы директор завода «Ростсельмаш» Н.П. Глебов-Авилов, председатель краевого профсоюза печатников М.В. Кукуевский, инструктор крайкома партии Н.И. Гордон и ряд других ответственных партийных и советских работников края.

Меж тем в руководстве НКВД начались радикальные перестановки. Г.Г. Ягода был переведен на должность наркома связи, а наркомом внутренних дел решено было назначить Н.И. Ежова.

Ситуация 1936 г. напоминает затишье перед бурей. Так, 11 октября 1936 г. по статье 58-10 был арестован Павел Иванович Дударев, сторож Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы в г. Новочеркасске. Следствие шло неделю. 18 октября П.И. Дударев был квалифицирован как фашист и троцкист, но получил всего 4 года [19: 4]. Следует отметить, что в 1936 г. на территории современной Ростовской области не был расстрелян ни один человек [3: 80].

Но ловля «троцкистов» и «зиновьевцев» по всей стране продолжалась, и крутились маховики следствия по делу А.Г. Белобородова в Азово-Черноморском крае. Арестованные по делу Белобородова признались во всех грехах вплоть до подготовки убийства И.В. Сталина, когда тот приедет отдыхать в Сочи [3: 90].

Белобородов был только зацепкой, чтобы обвинить и поменять все руководство Азово-Черноморского края: Шеболдаева, 1-го секретаря крайкома ВКП(б); Малинова, 2-го секретаря крайкома; Ларина, председателя крайисполкома; Ароцкера, заместителя председателя крайисполкома, уполномоченного Комитета заготовок СНК по АЧК, непосредственного начальника Белобородова.

30 декабря 1936 г. 1-й секретарь Азово-Черноморского крайкома Борис Петрович Шеболдаев (инициатор переименования Царицына в Сталинград) выехал в Москву. Новый 1937 год начался для него печально – уже 2 января ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором Шеболдаев обвинялся в «политической близорукости». Оказалось, что «он засорил парторганизацию края врагами народа всех мастей» [10: 321]. Название постановления звучало так: «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского краевого комитета т. Шеболдаева и неудовлет-

ворительном партийном руководстве крайкомом ВКП(б)». Шеболдаев якобы проявил «совершенно нетерпимую политическую близорукость», и в результате на руководящих постах в крае «вели подрывную работу заклятые враги партии, шпионы и вредители – троцкисты». Шеболдаева перевели в Курск, возглавлять Курский обком.

В крае побывал член Политбюро А.А. Андреев. «Проверка показала, что руководство горкомов и горсоветов оказалось переполнено троцкистами» [10: 321].

Первым секретарем крайкома в АЧК был направлен опытный чекист Е.Г. Евдокимов, долго проработавший в Северо-Кавказском крае. Он должен был ликвидировать «шеболдаевщину», а Г.С. Люшков должен был ему помочь. Вместе Евдокимов и Люшков собрали материалы, разоблачающие «шеболдаевщину», доклад об этом Евдокимов впоследствии сделал на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б).

23–30 января 1937 г. в Москве шел процесс параллельного антисоветского троцкистского центра. Было продемонстрировано, что враг вездесущ и многолик.

В Ростове-на-Дону «не выдержав истязаний, Белобородов вскоре начал давать „откровенные“ показания» [3: 90]. На допросе 14 февраля 1937 г. он назвал в числе участников руководимой им троцкистской организации многих ответственных партийных и советских работников Северного Кавказа – в частности Ароцкера, Пивоварова, Шеболдаева. Кроме того, он сообщил о своей связи «с Бухариным, Рыковым, Смирновым и другими работниками центральных партийных и советских органов, а также о том, что директивы о проведении террористических актов он получал непосредственно от Троцкого с помощью поступавших на его имя писем с тайнописью» [3: 90–91]. Эти его показания сыграли свою роль в последующем ударе по правым.

Важным событием стал февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. Как вспоминал А.И. Микоян, в 1937 г., в феврале, на пленуме ЦК должен был обсуждаться вопрос о вредительстве в промышленности [17: 79]. Однако первое же заседание пленума 23 февраля началось с доклада Н.И. Ежова. Выступая на пленуме в качестве нового наркома внутренних дел, он доложил о том, что «разрабатываемые» троцкисты признались в связях с правыми, что были «допрошены и передопрошены» вновь троцкисты Пятаков, Радек, Яковлев,

Белобородов. Опираясь на показания указанных лиц, в том числе на показания А.Г. Белобородова, Ежов заявил, что правые, подобно троцкистам и зиновьевцам, встали на путь прямой измены Родине, на путь террора против руководителей партии и советского правительства, на путь вредительства и диверсий в народном хозяйстве [20: 3–4]. Пленум ЦК ВКП(б) принял резолюцию по докладу Ежова о передаче дела Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова в НКВД. Поскольку Н.И. Бухарин, отрицая обвинения в свой адрес, обвинял и троцкистов, и ряд своих сторонников из «правого уклона» [11: 342–343], у руководства НКВД возникла мысль объединить раскрытых и нераскрытых троцкистов, оказавшихся в союзе с ними правых и бесчисленных «вредителей» в одно «производство».

Тогда же, на пленуме, 1-й секретарь Азово-Черноморского крайкома Е.Г. Евдокимов впервые озвучил информацию о попытках троцкистов связаться с казачеством, ссылаясь на показания арестованного 1-го секретаря Сталинского райкома ВКП(б) г. Ростова-на-Дону «троцкиста» Л.Д. Гогоберидзе: «Между прочим, по показаниям врага Гогоберидзе, они делали ставку на контрреволюционные казачьи элементы, так же, как и в Закавказье на дашнаков, говоря: „Чем же наши казаки-контрреволюционеры хуже дашнаков?“. Враги устанавливали смычку с казачьими контрреволюционными элементами, искали какую-то базу, видимо, по принципу – нечего ждать журавля в небе, лучше взять синицу в руки» [21: 9]. Впрочем, судя по сравнению с синицей, казаков-контрреволюционеров Е.Г. Евдокимов всерьез не воспринимал.

Возможно, на казаков обратили внимание потому, что в 1935 г. бывший первым секретарем Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шиболдаев опубликовал в «Правде» статью «Казачество и колхозы», в которой писал, что казачество «окончательно и прочно стало на колхозный путь», то есть безоговорочно поддерживает новую власть [11: 199–200]. В 1936 г. с казаков (первых среди других слоев населения) были сняты ограничения по несению военной службы и началось создание казачьих частей в Красной армии. Теперь же Шиболдаев был объявлен троцкистом, и его похвала в адрес казаков вызывала подозрение.

Еще одним методом или способом чистки партийных и советских верхов, как утверждает ряд исследователей [10; 11], стало введение при новой Конституции 1936 г. всеобщего избирательного права – всеобщего равного и тайного голосования –

и тайного голосования в партийных организациях. Предполагалось, что после многочисленных чисток других партий, кроме ВКП(б), в Советском Союзе нет, а тайным голосованием партийные и беспартийные массы выберут наиболее приемлемых для себя «вождей» из числа коммунистов.

Выступая на пленуме, Е.Г. Евдокимов напрямую связывал вредительство чиновников с нарушением внутривнутрипартийной дисциплины: «Наряду с либеральным отношением к чуждым людям горсовет прямо по-хамски относился к нашим советским людям. Например, семья Подтелкова жила в таких тяжелых условиях, что дочь его умерла от туберкулеза, жена тоже туберкулезная. (Сталин. С кооптацией как у вас дело?) Я сейчас скажу о кооптации. Эту старуху Подтелкову устроили подметальщицей улицы, названной именем т. Подтелкова. Все это удавалось делать подлым врагам партии и народа потому, что устав партии, внутривнутрипартийная демократия в ряде городских партийных организаций попирались самым беззастенчивым образом. О связи с массами. Надо прямо сказать, что по существу ее не было, оторванность партийного руководства от масс была налицо. (Сталин. Приветствую.) Руководители партийных организаций на заводах не бывали, с партийной низовкой связи не имели, партийную работу передоверили в ряде организаций, по сути дела, врагам партии, контроль отсутствовал. О кооптации. Кооптация в партийных органах широко применялась, т. Сталин. Из этих кооптированных порядочное количество сейчас сидит в органах НКВД. (Смех.) Кооптация была еще в больших размерах в советах. По материалам, которые у меня имеются, видно, что президиумы некоторых горсоветов, как, например, в Сулине, почти все целиком состояли из кооптированных людей» [21: 9].

27 февраля 1937 г. в органы НКВД был представлен первый список, включающий 479 лиц из 14 республик, краев и областей, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР. Азово-Черноморский край представил 93 человека по первой категории (Украина – 93, Свердловская область – 95) [7: 117]. То есть азово-черноморские чекисты действовали жестче, чем украинские, но мягче, чем свердловские.

Было отмечено изменение объекта внимания органов. «Если в 1936 году среди арестованных преобладали представители интеллигенции, то с весны 1937 года доминируют представители властных структур» [7: 52]. И это понятно. Если троцкисты имели больше влияния на молодежь и революцион-

ную интеллигенцию, то среди правых преобладали чиновники, верхи номенклатуры [9: 32]. Началось уничтожение руководителей, «погрязших в бюрократизме и самоуспокоенности» [22: 231].

В марте – мае 1937 г. были представлены новые списки подлежащих репрессиям – 1134 человек по первой категории (расстрел), 489 по второй (тюремное заключение) [7: 117]. Азово-Черноморский край представил свои списки – 133 человека по первой категории и 40 по второй [3: 118].

В условиях проведения репрессий и перед предстоящими выборами по новым правилам был предпринят ряд мер, успокаивающих основные массы населения. В марте были аннулированы задолженности колхозов и единоличников. И урожай в 1937 г., словно подыгрывая Сталину, оказался небывалым [10: 353].

Е.Г. Евдокимов на новом посту в Азово-Черноморском крае проявил себя как активный «чистильщик». Это вылилось в создание нового «заговора» не только из троцкистов, но и из правых, а кроме того, туда же вписали казаков-белогвардейцев.

В Ростове поторопились завершить дело А.Г. Белобородова. Однако к этому времени в Азово-Черноморском крае возник новый вариант разоблачения разветвленной троцкистской организации.

9 июня 1937 г. был допрошен арестованный 2-й секретарь крайкома ВКП(б) Михаил Маркович Малинов [23: 285]. Во-первых, он объявил троцкистской группой всех членов бюро крайкома – себя, Березина, Двойлацкого, заместителя председателя крайисполкома Ароцкера, председателя Краевого совета профессиональных союзов Соколову и Лукина [23: 284]. Во-вторых, назвал тяжелую ситуацию в сельском хозяйстве края итогом деятельности вредительского троцкистского руководства. В-третьих, раскрыл механизм подготовки покушения на И.В. Сталина в Сочи. В-четвертых, указал на участие в заговоре сотрудников УНКВД: троцкист Л.М. Масальский якобы давал сведения о Сталине, о его передвижениях.

По материалам уголовного дела, события якобы развивались следующим образом. После отъезда Шеболдаева Малинов, согласно его признаниям, остался в АЧК за главного [23: 297]. Он встретился с Шеболдаевым в Москве на февральском пленуме ЦК ВКП(б). Они договорились, что Шеболдаев должен каяться в каких-нибудь мелочах, чтоб отвлечь от себя подозрения, «а когда острота спадет, надо опять крепко взяться за Сочи с тем, чтобы во что бы то ни стало в 1937 году убить Сталина»

[23: 297]. Кроме того, Малинов, давая показания о Шеболдаеве, отметил, что того беспокоило тайное голосование: «По его мнению, это может здорово подмочить руководство» [23: 298]. О Белобородове Малинов ничего не сказал. Белобородова этапировали в Москву. Теперь за него взялись московские чекисты. А в Ростове стали разрабатывать новый троцкистский заговор во главе с Шеболдаевым и Малиновым.

12 июня 1937 г. был арестован Виталий Филиппович Ларин, 1895 г. р., член ВКП(б) с 1914 г., председатель Азово-Черноморского крайисполкома. Уже то, что он долгое время работал бок о бок с Шеболдаевым, было достаточным поводом для его смещения, и Евдокимов просил у Сталина замены председателя крайисполкома. 20 мая 1937 г. Сталин ответил: «Кандидата в предисполкомы края не можем и не считаем целесообразным дать. Не надейтесь на то, что Вам дадут готового работника сверху, со стороны. Ищите кандидата у себя в крае и выдвигайте снизу» [11: 371]. Безотносительно поиска замены на столь высокий пост Ларина арестовали как активного участника троцкистско-зиновьевской террористической организации по статье 58-10 Уголовного кодекса [23: 1]. При обыске в его квартире было найдено и изъято 2 нагана и 2 браунинга [23: 5].

Однако в Москве уже готовился процесс право-троцкистского блока, и азово-черноморские троцкисты, по идее, должны были иметь связи с местными правыми и казачьим белогвардейским подпольем. В Москве 23–29 июня 1937 г. собрался пленум ЦК ВКП(б), на котором с докладом выступил Н.И. Ежов и объявил, что НКВД вскрыло 13 антисоветских организаций, среди которых были военно-фашистский заговор в Рабоче-крестьянской Красной армии Тухачевского, Гамарника, Якира; правофашистский заговор в НКВД Ягоды; кремлевская правофашистская группа Енукидзе и тут же «антисоветская правотроцкистская группа в Азово-Черноморском крае во главе с Шеболдаевым», объединяющая не только правых и троцкистов, «но и крупнейшие антисоветские казачьи и партизано-повстанческие формирования» [7: 159].

Как только это было озвучено, на очередном допросе 28 июня 1937 г. М.М. Малинов показал, что троцкисты проявляли интерес к казачеству [23: 269]. В январе 1937 г., когда сняли Шеболдаева и отправили его в Курск, он якобы оставил вместо себя Ароцкера и Ларина, поставив им задачу сохранить казачью организацию от провала [23: 272].

Согласно показаниям Малинова Ларин, Касилов (председатель Северо-Донского окрисполкома) и Ароцкер составляли руководящую тройку [23: 273]. В 1937 г. они планировали поднять восстание казаков, захватить Сталина в Сочи и расправиться с ним. Касилов же перебрасывал в Сочи казаков с Кубани под видом рабочих [23: 273]. Таким образом, В.Ф. Ларин из «троцкистско-зиновьевского террориста» превратился в «белого казака».

Обвинение было абсурдным. В.Ф. Ларин, хотя и происходил из казачьей семьи, в 1918 г. был избран членом донского центрального исполнительного комитета и значился как студент, комиссар по борьбе с контрреволюцией в г. Новочеркасске [24: 175]. Генерал С.В. Денисов, формировавший весной – летом 1918 г. Донскую армию и возглавивший ее, писал, что с 13 (26) февраля по 1 (14) апреля 1918 г., когда Ларин «комиссарил» в Новочеркасске, в городе и его окрестностях было расстреляно более 500 казачьих офицеров, из них 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера [25: 29].

В 1919 г. В.Ф. Ларин был комиссаром Хоперского округа и многократно обвинялся в перегибах, в расказачивании, в массовых расстрелах казаков. Присутствие Ларина в качестве комиссара в Донском советском казачьем корпусе Ф.К. Миронова стало одним из поводов для казаков взбунтоваться против комиссаров и самовольно выступить из Саранска на Дон. Ф.К. Миронов писал о нем: «Поначалу комиссаром дивизии был назначен т. Ларин, бывший председателем Хоперского ревкома. Он плохо реагировал на безобразия, какие творились в округе. Мобилизованные казаки, что составляют главную массу сейчас в корпусе, ненавидят как его, так и всех политических работников, знакомых им по своим деяниям в их родных станицах» [26: 300].

Теперь Ларин объявлялся руководителем антисоветской подпольной казачьей организации.

Кроме того, Малинов признался, что был завербован немецким разведчиком Штраком в 1931 г. и 24 мая 1937 г. в Сочи договаривался с представителем из Германии о возможности убить Сталина [23: 275].

Таким образом, был «выявлен» новый подпольный центр – завербованные немцами троцкисты, правые и недобитые белые казаки.

Однако в данной ситуации сам Белобородов становился пятым колесом в телеге. Но дело поправил на допросе 29 июня 1937 г. Лев Исаакович Ароцкер, 1895 г. р., уроженец г. Блонь Минской губернии, сын торговца, в 1915–1922 гг. был в партии

«Поалей Цион», член ЦК; с 1922 г. в ВКП(б), зампред крайисполкома, уполномоченный Комитета заготовок СНК по АЧК, непосредственный начальник Белобородова.

Ароцкер признал, что Белобородов через него советовался с Шеболдаевым о теракте в Сочи [23: 261] и сам готовил группу боевиков в Туапсе [23: 262].

В итоге было раздуто дело о троцкистско-право-белоказачьем ростовском центре. Связи этого ростовского подпольного центра тянулись в Москву, к некоему Казачьему центру, который получал директивы из-за границы (показания А.И. Лавлинского, знавшего Ларина с 1916 г.) [23: 95]; к контрреволюционной казачьей организации в станицах Кривянской, Грушевской и в хуторе Каменнобродском (показания В.П. Сусллова) [23: 164]; к Новочеркасской казачьей группе профессора Беляевского (показания М.П. Донецкого) [23: 86]; на Кубань, где А.И. Рыков якобы поручил бывшему красному комкору Д.П. Жлобе создать организацию из бывших красных партизан и готовить восстание (показания М.П. Донецкого М. П.) [23: 79]; через Краснодар к генералу Зборовскому в Югославию (показания Ларина) [1: 15]; к отделу печати крайкома, к его заведующему Глейзеру, связанному с некими Фолькнером и Халамейзером (показания Г.Я. Гринштейна) [23: 117]; в Германию, ибо Шеболдаев по радио поддерживал связь с гестапо (показания В.Ф. Ларина) [23: 25–26]; в Японию через резидента японской разведки Д.С. Домбровского (показания А.С. Беляевского) [23: 122].

И, наконец, 9 августа 1937 г. Наум Зиновьевич Финкель, 1906 г. р., бывший сержант госбезопасности, служивший в Абинском отделе УНКВД, показал, что Петр Гаврилович Рудь, на тот момент начальник Управления НКВД АЧК, – троцкист. Рудь якобы ездил в Сочи формально для охраны Сталина, на самом же деле – организовать его убийство [23: 59].

Масла в огонь подлил Белобородов. На допросах в Москве он показал, что «участниками краевого троцкистского центра являлись начальник УНКВД по Азово-Черноморскому краю Рудь, его заместитель Попашенко (подписавший ордер на арест Белобородова), начальники отделов Гатов, Волков и Баланок, оперативные сотрудники Гиндбург и Масальский, о чем он якобы узнал в разное время от участника организации, бывшего секретаря крайкома партии Бориса Шеболдаева» [3: 92–93]. Так было положено начало масштабной чистке

руководства НКВД Азово-Черноморского края, что должно являться предметом особого исследования.

Сам Виталий Филиппович Ларин, допрошенный 15 августа 1937 г., через два месяца после ареста, признал, что является руководителем белогвардейской казачьей организации. «Я сам родом так же из казаков, воспитан в духе казачьих традиций и до последних дней считал казаков неизмеримо выше мужика» [23: 8].

Интересно, что в 1919 г. он защищал партийных работников, проводивших политику расказачивания, и написал: «...сейчас Сырцов, Дорошев оплевываются (на них льется вся грязь – все бессмысленные расстрелы и т.д.). Ясно одно, что они являются тем элементом, который смотрит на Донщину не с точки зрения казачьей колокольни, а с точки зрения интересов российского пролетариата» [26: 270]. То есть интересы российского пролетариата он ставил выше интересов казачества.

Ларин показал, что подпольная казачья организация якобы существовала с конца 1928 – начала 1929 г. Сам Ларин, по его показаниям, был настроен против коллективизации, не мог переносить издевательств над казаками и намеревался вступить в организацию правых [23: 8]. Но профессор Белявский, которого Ларин знал с 1915 г., ему отсоветовал: «Вы и по крови и по духу казак и должны вместе с нами бороться за освобождение вольного Дона», – и Ларин вступил в казачью организацию [23: 9].

В составе подпольной казачьей организации Ларин назвал всю верхушку красных казаков времен гражданской войны – бывшего казачьего комиссара при ВЦИКе М. Макарова и бывшего его заместителя Ф. Степанова [23: 12]. И там же были уцелевшие белые: некто Ружейников от Русского Обще-Воинского Союза; Алексей Степанович Дьяконов, член Новочеркасской городской думы; Владимир Евгеньевич Дубовской, член Войскового Круга; Бондарев, министр торговли бывшего белого Донского правительства. «Членами подполья, показывал Ларин следствию, являлись также практически все партийные и советские работники края, многие директора заводов и фабрик, представители интеллигенции» [3: 98].

«Казачьим центром в Москве получены из заграницы от весьма авторитетных источников сведения, что в 1937 году, в связи с испанскими событиями, неизбежно столкновение СССР с Германией, Италией и Японией. В связи с этим за границей делают ставку на организацию переворота в СССР», – утверждал Ларин [3: 98].

«Главная роль в организации переворота отводится казакам, – показывал Ларин. – Намечен следующий план: переворот организовать осенью 1937 года, когда Сталин будет находиться на отдыхе в Сочи. Группа боевиков-террористов обязательно должна убить Сталина и других отдыхающих в Сочи руководителей ВКП(б) и членов правительства. Одновременно казачьи организации поднимают восстание казаков на Дону, Кубани и в других бывших казачьих районах» [23: 98–99].

Последний допрос В.Ф. Ларина зафиксирован 18 декабря 1937 г.

Ларин подтвердил, что казаки и правые готовили вместе с троцкистами вооруженное восстание в крае [23: 44]; была задача вызвать недовольство людей планированием хлебозаготовок и подтолкнуть их к восстанию [23: 47]; второй пятилетний план для края был вредительски составлен Пивоваровым и Шеболдаевым; капиталовложения рассчитывал троцкист Мальте; третий пятилетний план был не менее вредительски составлен теми же Шеболдаевым, Лариным и Малиновым [23: 50–51].

Рыков якобы требовал от донских подпольщиков восстать не позднее лета 1937 г., требовал скорее убить Сталина из-за начавшихся арестов [23: 56].

И вот заключительные документы, касающиеся судьбы В.Ф. Ларина:

«Коменданту УНКВД по Ростовской области, мл. лейтенанту госбезопасности т. Долбежкину.

На основании личного распоряжения Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел СССР комкора т. Фриновского предлагаю Вам привести приговор в исполнение над осужденным Военной коллегией Верховного Суда СССР от 16 декабря 1937 к высшей мере наказания расстрелу Лариным Виталием Филипповичем, рождения 1895, уроженцем Хоперского района, Сталинградской области, проживал в г. Ростов-на-Дону, последняя должность – Председатель Азово-Черноморского крайисполкома.

Об исполнении донести с представлением акта об исполнении.

Помощник начальника УНКВД по Ростовской области капитан госбезопасности Рубинштейн.

19 декабря 1937. Ростов-на-Дону» [23: 369].

«Февраль 1941. Просим сообщить, кем и когда осужден Ларин Виталий Филиппович, 1895 г.р., пред АЧКрайисполкома» [23: 363].

«Военная коллегия Верховного Суда начальнику 1-го спецотдела НКВД.

18.06.1941 На № 9/27-100478

По спискам осужденных Военной коллегией Верховного Суда Ларин Виталий Филиппович не значится. Председатель Ульрих» [23: 366].

«Он был расстрелян в подвале внутренней тюрьмы НКВД сразу же после допроса 19 декабря по личному распоряжению заместителя народного комиссара внутренних дел СССР комкора товарища Фриновского (также впоследствии расстрелянного). Труп Виталия Филипповича несколько дней так и пролежал в том подвале и был обглодан крысами» [3: 102–103].

А.Г. Белобородов ненадолго пережил его. «8 февраля 1938 года дело Белобородова в течение 15 минут (с 23 ч. до 23 ч. 15 м.) рассматривалось в закрытом судебном заседании (без вызова свидетелей и при отсутствии защиты) выездной сессией Верховного Суда СССР в Москве под председательством армейского военюриста Василия Ульриха. Белобородов был приговорен к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества...

Согласно имеющейся в деле справки приговор приведен в исполнение 10 февраля 1938 года» [23: 93–94].

Б.П. Шеболдаев и М.М. Малинов были расстреляны в один день – 10 октября 1937 г. Л.И. Ароцкер еще раньше – 7 августа 1937 г.

Таким образом, руководство Азово-Черноморского края было радикальным образом «вычищено».

«Чистильщика» Е.Г. Евдокимова в 1938 г. тоже убрали. На его место 1-го секретаря обкома заступил Борис Аркадьевич Двинский, который осенью 1937 г. он был направлен в Ростов-на-Дону вторым секретарем обкома, а до этого служил заместителем начальника секретного отдела ЦК Поскребышева. Его приход к власти ознаменовался просьбой в Москву об увеличении лимита репрессированных [7: 155]. Как видим, требования расширить репрессии исходили не от органов безопасности, а от представителей партийных структур.

13 мая 1938 г. было решено «разрешить Ростовскому обкому ВКП(б) и УНКВД по Ростовской области передать на рассмотрение тройки по делам кулаков и контрреволюционных элементов дела вскрытых контрреволюционных групп, увеличив для этой цели лимит на 5 тыс. человек, в том числе по 1-й категории на 3500 человек» [7: 68].

Описывая ситуацию в стране в целом, Л.А. Наумов считает: «Каждый раз мы имеем дело с разными курсами. Общее в них только одно: инструмен-

том политики является террор, но целевые группы репрессий разные» [7: 290]. Мы можем констатировать, что на Дону в 1937–1938 гг. тоже проходило два процесса репрессий: один был массовый, и счет жертв шел на тысячи; другой был направлен против партийно-хозяйственной номенклатуры, масштабы его были не такими широкими. Для этого достаточно сравнить количество предполагаемых жертв в списках, направленных из края и из области в феврале и марте 1937 г., и в многотысячном списке, подготовленном в августе 1937 г. Завершение этапа одного из процессов не влиял на протекание другого процесса. Как мы видим, новое партийное руководство области требовало продолжать массовые репрессии, когда с прежней областной номенклатурой уже давно было покончено.

В зависимости от проводимой высшими партийными органами репрессивной политики (перенос удара с троцкистов на правых) на местах органы НКВД создавали уголовные дела с абсурдными обвинениями, фабриковали абсолютно нереальные в жизни политические комбинации вроде союза троцкистов и уцелевших белых казаков. Возникает вопрос – почему именно с белыми казаками? Ответ, видимо, кроется в следующем. В 1936 г. в контексте подготовки принятия новой Конституции были восстановлены казачьи части в Красной армии. Более того, «казачьи» были объявлены дивизии бывшей 1-й Конной армии, носившие имена Ворошилова и Буденного, хотя наличие большого количества настоящих казаков в этих дивизиях вызывает сомнения. И сохранилась некая группа красных казаков, возглавлявших немногочисленные советские казачьи части еще в годы гражданской войны и имевших моральное право считать себя лидерами советского казачества. И в то же время новое поколение казаков, уже советских, восхваляли люди, объявленные троцкистами. Выход из ситуации был очевиден – новое молодое советское боеспособное казачество брали под свое крыло «вожди Красной армии» Ворошилов и Буденный, а прежних вождей красного казачества, имевших опыт гражданской войны против большинства казаков, опыт раскачивания и «советизации» Дона и Кубани, объявили «белыми казаками».

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН на 2017 г. (проект № 0256-2014-0012, № госрегистрации 01211354248).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Весельницкий И.М. 1999. *«Красное колесо» переехало и через «Ростсельмаш» (хроника террора 30-х годов): Книга памяти жертв политических репрессий работников «Ростсельмаша»*. Ростов н/Д, Ростовская региональная ассоциация жертв незаконных политических репрессий «Мемориал»: 166 с.
2. Ровенский М.Н., Хохульников К.Н. 1983. *Чекисты Дона. Очерки*. Ростов н/Д, Ростовское книжное изд-во: 144 с.
3. *На страже Отечества. Документы, воспоминания, очерки, посвященные 80-летию Управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области*. 1998. Ростов н/Д, Юг: 248 с.
4. *На страже Отечества. Очерки, статьи, интервью, документы*. 2008. Ростов н/Д, Омега-принт: 496 с.
5. *Чекисты Дона: Очерки, интервью*. 2003. Ростов н/Д: 164 с.
6. Наумов Л.А. 2006. *Борьба в руководстве НКВД. 1936–1938 гг. «Опричный двор Иосифа Грозного»*. М., Модерн-А: 128 с.
7. Наумов Л.А. 2009. *«Кровавый карлик» против Вождя народов. Заговор Ежова*. М., Яуза; Эксмо: 448 с.
8. Наумов Л.А. 2007. *Сталин и НКВД*. М., Эксмо: 544 с.
9. Венков А.В. 2016. *«Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону*. М., АИРО-XXI: 196 с.
10. Елисеев А.В. 2009. *Разгадка 1937 года. «Преступление века» или спасение страны?* М., Яуза; Эксмо: 384 с.
11. Жуков Ю.Н. 2010. *Иной Сталин*. М., Аква-Терм: 512 с.
12. Кузнецовский В.Д. 2010. *Сталин. «Посредственность», изменившая мир*. М., ОЛМА Медиа Групп: 640 с.
13. *Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник*. 2003. М., Международный фонд «Демократия»: 768 с.
14. *Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936*. 2003. М., Материк: 912 с.
15. *Лубянка: Сталин и Главное управление Государственной безопасности НКВД. 1937–1938*. 2004. М., Международный фонд «Демократия»: 737 с.
16. Берия С.Л. 1994. *Мой отец – Лаврентий Берия*. М., Современник: 432 с.
17. Микоян А.И. 2015. *Сталин, каким я его знал*. М., Алгоритм: 240 с.
18. Судоплатов П.А. 1999. *Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы*. М., ОЛМА-ПРЕСС: 332 с.
19. *Архив Управления ФСБ по Ростовской области. Д. П-14194*.
20. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. 27 февраля 1937 г. Вечернее заседание. 1993. *Вопросы истории*. 5: 3–36.
21. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. 27 февраля 1937 г. Вечернее заседание. 1993. *Вопросы истории*. 7: 3–24.
22. Хлевнюк О.В. 1996. *Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы*. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): 305 с.
23. *Архив Управления ФСБ по Ростовской области. Д. П-6850*.
24. Сергеев В.Н. 2005. *Донская республика (1917–1918)*. Ростов н/Д, изд-во РГУ: 416 с.
25. Денисов С.В. 1921. *Записки. Гражданская война на Юге России. 1918–1920 гг. Книга 1-я. Декабрь 1917 г. – май 1918 г.* Константинополь, типография «ПРЕССА»: 147 с.
26. *Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.* 1997. М., Международный фонд «Демократия»: 792 с.

REFERENCES

1. Vesel' nitskiy I.M. 1999. "Krasnoe koleso" pereekhlo i cherez "Rostsel'mash" (khronika terrora 30-kh godov): Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy rabotnikov "Rostsel'masha". ["Red wheel" moved through "Rostselmash" (chronicle of terror in the 1930s). The memory book of political repressions victims working at "Rostselmash"]. Rostov-on-Don, Rostov Regional Association of Victims of Illegal Political Repressions "Memorial": 166 p. (In Russian).
2. Rovenskiy M.N., Khokhulnikov K.N. 1983. *Chekisty Dona. Ocherki*. [Security Officers of Don Region. Essays]. Rostov-on-Don, Rostov Book Publishing House: 144 p. (In Russian).
3. *Na strazhe Otechestva. Dokumenty, vospominaniya, ocherki, posvyashchennye 80-letiyu Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossii po Rostovskoy oblasti*. [On guard of the Fatherland. Documents, memoirs, essays dedicated to the 80th anniversary of the Federal Security Service Office of Russia in Rostov Region]. 1998. Rostov-on-Don, Yug: 248 p. (In Russian).
4. *Na strazhe Otechestva. Ocherki, stat'i, interv'yu, dokumenty*. [On guard of the Fatherland. Essays, articles, interviews, documents]. 2008. Rostov-on-Don, Omega-print: 496 p. (In Russian).
5. *Chekisty Dona: Ocherki, interv'yu*. [Security Officers of Don region. Essays, interviews]. 2003. Rostov-on-Don: 164 p. (In Russian).
6. Naumov L.A. 2006. *Bor'ba v rukovodstve NKVD. 1936–1938 gg. "Oprichnyy dvor Iosifa Groznogo"*. [The showdown in the head of NKVD. 1936–1938. "Oprichnina court of Joseph the terrible"]. Moscow, Modern-A: 128 p. (In Russian).
7. Naumov L.A. 2009. "Krovavyy karlik" protiv Vozhdya narodov. *Zagovor Ezhova*. ["Bloody dwarf" against the Leader of the people. Conspiracy of Yezhov]. Moscow, Yauza; Eksmo: 448 p. (In Russian).
8. Naumov L.A. 2007. *Stalin i NKVD*. [Stalin and the NKVD]. Moscow, Eksmo: 544 p. (In Russian).
9. Venkov A.V. 2016. "Delo Senina" ili operatsiya "Trest" na Verkhnem Donu. ["The criminal case of Senin" or "Trust" operation on the Upper Don]. Moscow, AIRO-XXI: 196 p. (In Russian).
10. Eliseev A.V. 2009. *Razgadka 1937 goda. "Prestuplenie veka" ili spasenie strany?* [Unravelling the year 1937. "Crime of the Century" or the salvation of the country?]. Moscow, Yauza; Eksmo: 384 p. (In Russian).
11. Zhukov Yu.N. 2010. *Inoy Stalin*. [Other Stalin]. Moscow, Akva-Term: 512 p. (In Russian).
12. Kuznechevskiy V.D. 2010. *Stalin. "Posredstvennost'", izmenivshaya mir*. [Stalin. "Mediocrity", which changed the world]. Moscow, OLMA Media Grupp: 640 p. (In Russian).

13. *Lubyanka: Organy VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991. Spravochnik. [Lubyanka: Organs of the Cheka–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991. Reference book]*. 2003. Moscow, International Fund “Democracy”: 768 p. (In Russian).
14. *Lubyanka: Stalin i VChK–GPU–OGPU–NKVD. Yanvar’ 1922–dekabr’ 1936. [Lubyanka: Stalin and the Cheka–GPU–OGPU–NKVD. January 1922 – December 1936]*. 2003. Moscow, Materik: 912 p. (In Russian).
15. *Lubyanka: Stalin i Glavnoe upravlenie Gosudarstvennoy bezopasnosti NKVD. 1937–1938. [Lubyanka: Stalin and the Main Department of State Security of the NKVD. 1937–1938]*. 2004. Moscow, International Fund “Democracy”: 737 p. (In Russian).
16. Beriya S.L. 1994. *Moy otets – Lavrentiy Beriya. [My father is Lavrenty Beria]*. Moscow, Sovremennik: 432 p. (In Russian).
17. Mikoyan A.I. 2015. *Stalin, kakim ya ego znal. [Stalin, as I knew him]*. Moscow, Algoritm: 240 p. (In Russian).
18. Sudoplatov P.A. 1999. *Spetsoperacii. Lubyanka i Kreml’, 1930–1950 gody. [Special operations. Lubyanka and the Kremlin, 1930–1950]*. Moscow, OLMA-PRESS: 332 p. (In Russian).
19. *Arkhiv Upravleniya FSB po Rostovskoy oblasti. D. P-14194. [Archive of the Federal Security Service of Rostov Region. D. P-14194]*. (In Russian).
20. [Materials of the February-March Plenum of the Central Committee of the CPSU 1937. February 27, 1937, Evening session]. 1993. *Voprosy istorii*. 5: 3–36. (In Russian).
21. [Materials of the February-March Plenum of the Central Committee of the CPSU 1937. February 27, 1937, Evening session]. 1993. *Voprosy istorii*. 7: 3–24. (In Russian).
22. Khlevnyuk O.V. 1996. *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gody. [The Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s]*. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN): 305 p. (In Russian).
23. *Arkhiv Upravleniya FSB po Rostovskoy oblasti. D. P-6850. [Archive of the Federal Security Service of Rostov Region. D. P-6850]*. (In Russian).
24. Sergeev V.N. 2005. *Donskaya respublika (1917–1918). [The Don republic (1917–1918)]*. Rostov-on-Don, Rostov State University: 416 p. (In Russian).
25. Denisov S.V. 1921. *Zapiski. Grazhdanskaya vojna na Yuge Rossii. 1918–1920 g.g. Kniga 1-ya. Dekabr’ 1917 g. – may 1918 g. [Notes. Civil War in the South of Russia. 1918–1920. Book 1. December 1917 – May 1918]*. Constantinople, Printing House “Pressa”: 147 p. (In Russian).
26. *Filipp Mironov. Tikhyy Don v 1917–1921 gg. [Philip Mironov. The Don region in 1917–1921]*. 1997. Moscow, International Fund “Democracy”: 792 p. (In Russian).

Поступила 23.03.2017